

— Не пойду, — отрезал Шэнь Хань. Он слегка приподнял бровь, словно недоумевая, откуда у Цзи Цайсюэ хватило самоуверенности обратиться к нему с такой просьбой. — Ты что, считаешь, мне совсем заняться нечем?

— Раз уж глава Нань сказал, что в ордене никто не может с тобой сладить, значит, ты волен делать всё, что вздумается, — пробормотал про себя Цзи Цайсюэ. Он подумал, что Шэнь Хань выглядит так, будто и впрямь мается от безделья, иначе с чего бы он то присматривал за ним, то сопровождал к главе? Нань Чжу не смог бы заставить его силой, значит, всё это — добрая воля. Цзи Цайсюэ, набравшись наглости, решил попытать счастья до конца: — Брат Хань, прошу, проводи меня... Считай, что ради наставницы.

— Ты веришь всему, что говорит глава? Почему не попросишь его назначить кого-нибудь другого для сопровождения? — Шэнь Хань усмехнулся. Они уже вернулись в гостевой дом, где Цзи Цайсюэ пришел в себя. Теперь Шэнь Хань отбросил всякую осторожность: хотя формально он называл Нань Чжу главой, в его тоне не было ни капли почтения. — Разве ты не смеялся только что?

— Это была лишь вежливость. — Цзи Цайсюэ чувствовал, что Шэнь Хань смотрит на него как на ненадежного перебежчика. — Глава Нань... хоть и выглядит доброжелательно, но береженого Бог бережет. К тому же, между вами и вашими соучениками наверняка остались старые обиды, он к тебе предвзят, так что не стоит верить всему, что он говорит...

— Соучениками? — Шэнь Хань уцепился за это слово, которое прозвучало для него дико, и на его лице отразилось явное отвращение. — Его методы пакостить людям с годами становятся всё изощреннее. Скажу тебе прямо: у бессмертного владыки Яогуана никогда не было учеников, откуда же взяться соученикам?

Цзи Цайсюэ опешил, но Шэнь Хань не стал вдаваться в подробности, тут же сменив тему: — Ты сказал, глава отправил с тобой Лю Чжаоянь?

— А, да.

— Я могу проводить тебя и передать за тебя слова, но у меня есть условие. — Взгляд Шэнь Ханя упал на браслеты, которые Цзи Цайсюэ держал в руках; алые украшения на фоне кожи казались каплями запекшейся крови. — Я хочу, чтобы ты занял место Лю Чжаоянь и стал закрытым учеником главы.

Лишь три дня спустя, в день отправления, Цзи Цайсюэ впервые увидел Лю Чжаоянь.

От Шэнь Ханя он узнал, что Лю Чжаоянь поступила под начало Нань Чжу более трехсот лет назад. Она происходила из влиятельного рода заклинателей с севера и была любимой дочерью главы семьи. С детства она пользовалась самыми редкими ресурсами, а благодаря природному таланту и уму сумела выделиться среди прочих претендентов на отборе в орден Чаншэн, в один миг став закрытой ученицей главы.

Лю Чжаоянь была старше его на сотни лет, но выглядела ровесницей. Девушка уложила волосы в симметричные пучки, перехваченные красными лентами, которые издали напоминали кошачьи ушки. На ней было красное платье с завышенной талией, украшенное вышивкой в виде серебристого журавля, а поверх — белое одеяние с широкими рукавами и черный жилет. На воротнике и поясе красовался узор из облаков, точно такой же, как у Нань Чжу. На ногах — белые сапожки, а на щиколотках позвякивали колокольчики, придавая девушке игривости.

Она, по-видимому, давно ждала у выхода из горного ущелья и издали помахала Цзи Цайсюэ. Когда он подошел ближе, она с улыбкой поприветствовала его: — Наконец-то ты пришел! Меня зовут Лю Чжаоянь: Чжао — как утреннее солнце, Янь — как прекрасный нефрит. Я вторая ученица главы.

— Привет, я...

— Я знаю! Ты Цзи Цайсюэ. Наставник мне всё о тебе рассказал, — бойко перебила она, похлопав себя по груди и подмигнув. — Храм Цзинтин находится рядом с моим домом, а в Найхэ я бывала по делам ордена. Не волнуйся, если твой старший брат там, я обязательно помогу его найти.

— Тогда благодарю... сестрица Лю, — осторожно произнес Цзи Цайсюэ. Улыбка Лю Чжаоянь не дрогнула, она привычно ухватила его за запястье и потянула к стоявшему неподалеку летающему артефакту. Колокольчики звякнули и стихли. Девушка на миг замялась, оглянувшись на Шэнь Ханя, который всё так же стоял в стороне, скрестив руки на груди. Тон её стал менее радостным: — А-Хань, иди... иди к нам.

Цзи Цайсюэ тоже посмотрел на Шэнь Ханя. У него не было особых вопросов: еще тогда, когда Шэнь Хань предложил ему занять место девушки, он спросил, есть ли у них старые счета. Шэнь Хань проявил милосердие и ответил: есть. Но когда Цзи Цайсюэ попытался выяснить подробности, тот наотрез отказался говорить.

Если Нань Чжу и Лю Чжаоянь располагали к себе с первого взгляда, то Шэнь Хань выглядел как человек, от которого добра не жди. А раз уж Лю Чжаоянь когда-то перешла ему дорогу, то, попади она в его руки, хорошего ждать не стоило.

И всё же... неужели Лю Чжаоянь совсем не догадывается о намерениях Шэнь Ханя?

Летающий артефакт, принадлежавший ордену Чаншэн, выглядел как небольшая деревянная лодка. Внутри было три отсека. В носовом нужно было постоянно поддерживать приток духовной энергии, и Лю Чжаоянь отправилась туда первой. Цзи Цайсюэ и Шэнь Хань остались во втором. Как только Лю Чжаоянь скрылась, Шэнь Хань подтянул Цзи Цайсюэ к себе и прошептал на ухо: — Она до ужаса боится своего возраста, терпеть не может, когда её называют сестрой.

Цзи Цайсюэ напрягся. Он и подумать не мог, что с порога наживет себе врага, хотя, впрочем,

он и так был на стороне Шэнь Ханя и волей-неволей должен был противостоять Лю Чжаоянь. Он промолчал, боясь, что их услышат за стеной. Шэнь Хань усмехнулся и отстранился: — В каждом отсеке установлена защитная завеса, она нас не слышит.

Тогда зачем ты шептал мне на ухо? — Брат Хань, а сестрица Лю... она что, в тебя влюблена?

Он спросил об этом не просто так. Ему показалось, что Лю Чжаоянь знала о присутствии Шэнь Ханя заранее. Учитывая их давнюю вражду и дурную славу Шэнь Ханя в ордене, она должна была обходить его за версту. Сопровождение Цзи Цайсюэ на север — не такое уж великое дело, она вполне могла попросить главу Нань заменить её. Но она предпочла встретиться с Шэнь Ханем лицом к лицу.

Она явно боялась его, но в этом страхе было что-то ещё, не позволявшее ей отступить. Это чувство, подобно звону колокольчиков на её щиколотках, невозможно было скрыть.

Шэнь Хань приподнял бровь. Его не удивила догадка Цзи Цайсюэ, и он с иронией ответил: — Она мастерски умеет делать так, чтобы весь орден Чаншэн знал о её безответной любви ко мне, а я при этом выгляжу жестокосердным злодеем, губящим невинные цветы.

Цзи Цайсюэ замер, осознав: возможно, всё, что он видел, было не порывом чувств Лю Чжаоянь, а тем, что она хотела ему показать. Девушка выглядела совсем юной, и он постоянно забывал, что она старше его на сотни лет и видела в жизни куда больше, чем он.

— Избалованная девица из рода Лю за сотни лет ничему не научилась. Будучи любимой ученицей главы, она освоила лишь эту безобидную оболочку... — Шэнь Хань выглядел расслабленным, но его слова заставили Цзи Цайсюэ похолодеть. — Впрочем, ненадолго.

— Ты хочешь избавиться от неё так, чтобы не осталось следов? — Цзи Цайсюэ не испугался. С того момента, как он доверился Шэнь Ханю, он уже выбрал сторону в скрытом противостоянии Шэнь Ханя и Нань Чжу. Бояться своего союзника — значит обречь себя на сожаления, а сожаления часто превращают людей в предателей.

— Как думаешь, маленький енот?

Не успел он договорить, как дверь открылась и вошла Лю Чжаоянь. Она услышала последнюю фразу и, моргнув своими ясными глазами, с любопытством спросила: — Енот? Какой ещё енот?

Цзи Цайсюэ тоже растерялся, но спустя мгновение догадался: скорее всего, речь шла о подмене одного существа другим.

После прихода Лю Чжаоянь Шэнь Хань не стал задерживаться и ушел в кормовой отсек. Цзи Цайсюэ на ходу выдумал оправдание: — Я держал енота, когда жил среди людей. Брат Хань, видимо, заинтересовался, вот и спросил.

— О, я знаю, А-Хань раньше тоже держал кошку, — отозвалась Лю Чжаоянь. Она достала из мешочка карту и разложила её на столе. Цзи Цайсюэ читал об этих картах в записях. Они объединяли множество карт в одну: в самом широком масштабе можно было увидеть очертания всего мира заклинателей, разделенного по цветам на земли людей, демонов и духов. Приближая пальцами, можно было рассмотреть даже средние города. Согласно книгам, такие карты выпускало издательство Тянься — по меркам Цзи Цайсюэ, крупное издательство — и обновляло их раз в десять лет.

Лю Чжаоянь показала ему карту всего мира и пальцем прочертила их путь. Орден Чаншэн находился на самом юге, а храм Цзинтин — на севере. По логике, им нужно было двигаться строго на север, но Цзи Цайсюэ заметил, что палец Лю Чжаоянь обводит область в центре карты. Эта зона была не закрашена, что означало, что она не принадлежит ни одной из трех рас.

На карте были и другие пустые места, но они находились по краям, а эта располагалась в самом центре, что было довольно странно.

Заметив его недоумение, Лю Чжаоянь хлопнула себя по лбу: — Совсем забыла, ты же только пришел в мир заклинателей. Эта область — древнее поле битвы времен Войны трех миров. Говорят, там пали многие великие мастера, достигшие стадии преодоления скорби, и их духовная энергия, не найдя выхода, скопилась и превратилась в тайную область, которую все называют Оком.

Око — место с самой высокой концентрацией духовной энергии, там множество малых тайных областей и испытаний, а также наследия павших мастеров. Это идеальное место для тех, кто застрял на одном уровне и ищет способ прорваться. Чтобы избежать новых войн за Око, три стороны заключили договор: каждые шестьдесят лет право управления переходит к другой расе. Сейчас Око под контролем духов.

Я слышала, что владыка Яогуан, владыка Цингуй и меч Цзэнчжэнь познакомились именно там. Получив одно наследие на троих, они стали называть друг друга братьями. Они были сильнейшими заклинателями человечества, но, увы, владыка Цингуй погиб, меч Цзэнчжэнь, кажется, сошел с ума, а владыка Яогуан скрылся от мира... В этом мире уже три тысячи лет никто не возносился.

<http://bllate.org/book/18928/1852094>